

Стихи о любви

Саша Чёрный

**ХОЧУ
ОТДОХНУТЬ
ОТ САТИРЫ...**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч-11

Черный, Саша.

Ч-11 Хочу отдохнуть от сатиры... / Саша Черный. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 256 с.: ил. — (Стихи о любви).

ISBN 978-5-17-105266-9

Саша Черный редко ставится в один ряд с главными русскими поэтами начала XX века. Некоторые знают его как сказочника и «детского поэта», кому-то, напротив, он представляется жестким и злым сатириком. В действительно в его поэзии звучит по-чеховски горькая нежность к человеку и себе, которой многим из нас так часто не хватает. Изысканный и грубый, лиричный и сатиричный, одновременно простой и непростой Саша Черный даже спустя сотню лет звучит свежо, остроумно и ярко.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-105266-9

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ИЗ ЦИКЛА «ВСЕМ НИЩИМ ДУХОМ»

ЛАМЕНТАЦИИ

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать.
Пересматривать эстампы
И по клавишам брэнчать, —
Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты ...
В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданий и страстей:
Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клочок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.
Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы что ли тифом,

Учинить бы, что ль, дебош?
В книгах гений Соловьевых,
Гейне, Гете и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.
На полотнах Магдалины,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин,
А вокруг кривые спины
Мутноглазых Акулин.
Где события нашей жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизи,
В нищете случайных крох.
Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.
И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.
В звуках музыки — страданье,
Боль любви и шепот грез,

А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.
Отчего? Молчи идохни.
Рок — хозяин, ты — лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!
... Хорошо при свете лампы
Книжки милые милые читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

1909

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу как встарь,
И завопил тепло и вакханально:
«Весенний брак, гражданский брак
Спешите, кошки, на чердак!»

И кактус мой — о, чудо из чудес!
Залитый чаем и кофейной гушей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днём прёт из земли всё пуще.
Зелёный шум... Я поражён,
«Как много дум наводит он!»
Уже с панелей слипшуюся грязь,
Ругаясь, скалывают дворники лихие,
Уже ко мне зашёл сегодня «князь»,
Взял тёплый шарф и лыжи беговые...

«Весна, весна! — пою, как бард,
Несите зимний хлам в ломбард».
Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!

Весенняя лазурь спугнула дым и копоть.
Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниёт вода,
И пьяных больше, чем всегда.
Создатель мой! Спасибо за весну!
Я думал, что она не возвратится,
Но... дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, чёрт возьми?

1909

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол:
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же «бигус» на обед, —
Но на всём какой-то новый свет.

Блещут икры полной прачки
Фёклы.

Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стёкла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол.
Злые стекла свищут: эй, осёл!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стёртый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропѣёт свой четвертак!

Так пропѣёт, что небу станет жарко.
Стѣкла вымыты. Опять тоска и тишь.
Фёкла, Фёкла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнём весенних губ...

Квартирант и Фёкла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты — народ, а я — интеллигент, —
Говорит он ей среди лобзаний, —
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоём,
Я тебя, а ты меня — поймём...»

1909

* * *

Это не было сходство, допустимое даже в лесу,
— это было тождество, это было безумное
превращение одного в двоих.

Л. Андреев. «Проклятие зверя»

Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак...

В лес! К озёрам и девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым
стволам.

Надоело ходить по шаблонным панелям
И смотреть на подкрашенных дам!

Принесёт мне ворона швейцарского сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если к вечеру станет прохладно и сыро,
Обложу себе мохом бока.

Там не будет газетных статей и отчётов.
Можно лечь под сосной и немножко повыть.
Иль украсть из дупла вкусно пахнущих сотов,
Или землю от скуки порыть...

А настанет зима — упираться не стану:
Буду голоден, сир, малокровен и гол —
И пойду к лейтенанту, к приятелю Глану:
У него даровая квартира и стол.

И скажу: «Лейтенант!

Я — российский писатель,
Я без паспорта в лес из столицы ушёл,
Я устал, как собака, и — веришь, приятель —
Как семьсот аллигаторов зол!

Люди в городе гибнут, как жалкие слизни,
Я хотел свою старую шкуру спасти.
Лейтенант! Я бежал от бессмысленной жизни
И к тебе захожу по пути...»

Мудрый Глан ничего мне на это не скажет,
Принесёт мне дичины, вина, творогу...
Только пусть меня Глан основательно свяжет,
А иначе — я в город сбегу.

1907 или 1908

СПОРЫ

Каждый прав и каждый виноват.
Все полны обидным снисхождением
И, мешая истину с глумленьем,
До конца обидеться спешат.

Эти споры — споры без исхода,
С правдой, с тьмой, с людьми, с самим
собой,
Изнуряют тщетною борьбой
И пугают нищенством прихода.

По домам бессильно разбредаясь,
Мы нашли ли собственный ответ?
Что ж слепые наши «да» и «нет»
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши — жернова?
Или спор — особое искусство,
Чтоб, калеча мысль и теша чувство,
Без конца низать случайные слова?

Если б были мы немного проще,
Если б мы учились понимать,
Мы могли бы в жизни не блуждать,
Словно дети в незнакомой роще.

Вновь забытый образ вырастает:
Притаилась Истина в углу,
И с тоской глядит в пустую мглу,
И лицо руками закрывает...

1908

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодьем интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютует и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон
по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету,
Или, может быть, землю пахал?